

Георгий ГАЧЕВ

МИРЫ ЕВРОПЫ.
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Англия

интеллектуальное путешествие

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Москва
2007

Георгий Гачев.

Миры Европы. Взгляд из России. Англия, интеллектуальное путешествие — М.: Воскресенье, 2007. — 688 стр.

«Миры Европы. Взгляд из России» — многотомная серия сравнительных описаний культур и миропониманий разных народов. Задача — понять каждый национальный мир как космоисторическую личность, персонаж незаменимый в человечестве. Подобно тому, как человек есть троичное единство: тело, душа, дух, так и каждая национальная целостность рассматривается как своеобразный Космо-Психо-Логос, т. е. единство местной природы, характера народа и его ментальности. Англия — эпилог Старого света и пролог Нового. Остров — корабль в океане в диалоге с материком Евразии. Диалог германского и романского в этносе, языке и ходе истории. «Самосделанный человек» Робинзон, джентльмен и моряк — главные типы. Гулливер — релятивист. Плюрализм, терпимость и компромисс, юмор. Принцип борьбы: драма Шекспира, сила в механике Ньютона, конкуренция Адама Смита, борьба за существование Дарвина, спорт, футбол. Опыт и эксперимент против умозрений и абстрактных теорий мыслителей континента. Специфические архетипы, символы, образы, модели поведения выявляются из пословиц языка, народных баллад и литературы. По всем параметрам идет сопоставление с Россией. Интеллектуальное путешествие автора в Англию написано в жанре дневника его жизни и мысли и есть опыт экзистенциальной культурологии, где трактат перемежается исповедью, понятие переплетается с образом. Книга — явление и научно-философской, и литературно-художественной мысли, и читается как «роман мышления».

ISBN 978-5-88528-527-8

Самосделанные виды у Дарвина

Да, в этом все дело: малоплодна природа Англии, и без мощного пособничества искусства естество тут не выдюжит прокормить и одеть людей. Поэтому и в теории тут возможен стал обратный ход: с точки зрения и принципов -ургии, трудового соделания вещей человеком, взглянуть и объяснить -гонию, природу возникновения в ней видов-моделей, как это сделал Дарвин: проникшись принципом селекции, вывода пород человеком для своих целей, задаваясь нужными параметрами, — опрокинул эту модель и подставил под натуру: «естественный отбор», как **механизм** (машина, инструмент, орудие, операция, правило) образования и вывода выводка видов. Виды, оказываются в «природе» тоже *selfmade*, как и люди-англичане.

При этом — именно о видах его рачение, а не об особях. А «вид» есть не отдельная машина, а образец, стандарт, патент, чтоб штамповать много таких же особей конвейерным порядком. А то сырье рождений существ природою с изменениями, мутациями — это так же мало существенно для образования пород и видов, как несущественно для Оливера Твиста то предварительное обстоятельство, что когда-то его девять месяцев носила во чреве мать. Весь его характер и образ — от воспитания, от судьбы, от образования обстоятельствами, а не от родов.

Это не значит, что в Англии не чтут кровь хорошую (родовитость) и наследственность, хотя фаталистические теории о предопределении отпрыска родителями, наследственные теории психозов, болезней, преступлений — это более континентальные убеждения и сочинения: Лафатер, Ломброзо и т. д. В Англии ж наиряньше из Европы задумались над системой воспитания: развилась там педагогика, разные типы и школы и системы обучения — даже в России Грибоедова слыхивали про «Ланкастерские взаимные обучения», — и много в этом понимали и преуспели. Вон и «Маугли» Кипплинга: о преобразовании ребенка в волчонка. Недаром там затеяна и написана эта книга-модель.

Дарвин очень копается в скрещиваниях, в передаче и непередаче признаков по наследству; отчего гибриды оказываются часто неспособны к продолжению рода. Так что тут -гония вроде читится. Но она изучается мастером, который вникает в нее уловить ее секрет, чтоб отменить ее своей -ургией или сузить наивозможнейше островок ее действия и силы.

Подобно и Стерн в «Тристраме Шенди» потому уж так въедливо и долго копается в обстоятельствах своего зачатия и извлечения из матки, не отпуская этот сюжет на протяжении чуть ли не двухсот страниц своего жизнеописания, — что тут также азарт: всю гинекологию — как геологию понять (вспомним Гильберта «О магните»), суметь воспроизвести искусственно (умом, словом-обговариванием, делом).

Но откуда же тогда в Англии такой пиетет перед Рождеством? Рождество — главный годовой праздник: елка, зимние сказки, культура рождественских рассказов, каникул. Весь Диккенс — в розовом жанре рождественских рассказов, которых и писал много, а колорит их и на большие его романы распространился. Да и у Шекспира святочная «Зимняя сказка» есть — как

раз о рождении деток, изгнании, их приключениях и узнавании конечном. В этом же колорите и «Буря», и «Цимбелин», да и комедии многие.

Но что есть рождество Христово? Это ведь тоже сюжет с подкидышем, найденным. Святое семейство в Вифлееме — это умиление восприимчивых, воспитателей того, кто и рожден, и не рожден (как раз возможное девство Марии-Богоматери здесь, в Англии, менее всего подвергалось надругательствам и неверию, в отличие от -гонимых материков, — а по логике их космоса -ургии вполне приемлемо и правдоподобно). Христос, как и Макдуф — «не женщиной рожден».

«Подкидыш» — это от кидания жребия; «найденный» — тоже от культуры случая, который в Англии разумен, «логичен» и жизнотворящ.

-Ургия отбора и воспитания против -гонии родительства

Немало читал английских романов, и авторы, как правило, торопятся поскорее порвать пуповину: увести поскорее своего героя с родительского лона, из семьи, и швырнуть на обделывание и селекцию обстоятельствам.

Очень важен здесь персонаж **тетки** — девы старой (любящей или ханжи чопорной). Она — заместитель умершей матери. Бесплодна, суха, черства и безчресельна: сидит в креслах, без чресел. Тетка и в «Томе Джонсе» (сестра Олуэрти). Она — и не жена ему, но он именно с нею живет, т. е. ни горизонтально-гонимых (супружеских, одноуровневых) живо-лонных отношений нет, ни вертикальных (меж матерью родной-родившей и чадом), — нет природного источника тепла и любви живородящей. **Тетка = псевдомать**, «мать», ушедшая в сухость и пустоцвет. Но с нею-то пуще всего носятся и чтут, с ее мнением считаются, стараются угодить, и она — еще и держательница богатства (-ургийного потенциала), которое кому хочет может оказать. И в «Ярмарке тщеславия» тетка Кроули — крупная фигура. Да и в «Саге о Форсайтах» сколь монументальны образы боковых родственников: тетки, дядя, боковые деды. А прямые деды-бабки, отцы-матери, дети, внутри друг ко другу как бы невидящи, бескровно и беструдно относятся, скорее отвлеченно эстетически (образ старого деда Джолиона — как вынесен в эстетическое пространство! Сомс — что за отец? — и т. д.). В воспитании, образовании более живое участие принимают дядя, тетки (чем отцы и матери, даже если они есть, живы). И они, по английской, -ургийной логике учреждения бытия, на это имеют право (на возделывание и селекцию сырых чад, полуфабрикатов этих), тогда как родители, в которых недорезана пристрастно-любовная логика -гонии, — на это права не имеют, потому что они станут растить любую особь, с любыми недостатками и слабостями, не имея воли и силы на отбор, чтоб пресечь, отрезать и даже умертвить слабое и хилое, не приспособленное к борьбе за существование. Тетка же в «Давиде Копперфильде» (кажется) ему: «Ты должен сделать усилие!» — лейтмотив. Т. е. родители будут растить особь, а надо здесь растить породу, вид, экземпляр, чтоб продолжать род (как дело) и дело рода (наследство, компанию, фирму «Домби, сын и К°» и т. д.).

При десятичной системе главное удобство — переводить-переливать одно в другое, т. е. удобство связи, *lien*, меж всем и всем. Т. е. преимущества континуальные, социальные, для общения. Но для самобытия она не прибавляет, а убавляет и мешает наличному уже самосделанному бытию и самоучету, — и потому англосаксы и до сих пор обходятся своими мерами, за них держатся и не поддаются на десятичную нивелировку. Им — так удобнее, хотя другим народам непонятно: как это может быть удобно?

В десятичной системе магия единицы завораживает: 1 и 0. Ставь рядом, превращай, наращивай — красиво, едино все! Принцип ВсеЕдиноного тут торжествует. Ну и Эрос, конечно, Двоица образов: 1 — мужское, 0 — женское. Потому на материке так легко десятичная система распростерлась, протянулась. А в Англии, где -гонийная Двоица усечена, перекособочена -ургией, мерами трудовых рук и ног, там иные органы, не половые, принимаются в расчет и учет как меродающие и принципо-полагающие.

Ну, а теперь продолжим комментарий к Дарвину. Но эти модуляции в политэкономии, в технику, в быт и счет — вполне нам потребны: это расширяющие девиации, на которых мы имеем возможность выверять спектр наших основоположений, которыми мы вот и Дарвина анализируем как явление английского Космо-Психо-Логоса.

Переходим ко главе II. «Изменение в естественном состоянии». И с первых слов выдает Дарвин свой технический образец (характерный для английского образа мышления): **совершенствование вида — совершенствование машины**: «Почти каждая часть органического существа так прекрасно прилажена к сложным условиям его жизни, что кажется столь же невероятным, чтобы она внезапно возникла такой совершенной, как невероятно предположение, чтобы какой-нибудь сложный механизм был изобретен человеком прямо в своей самой совершенной форме» (стр. 81). Как совершенствовали паровую машину в Англии от Ньюкомена до Уатта, пробуя и прилаживая новые приспособления, так и, по Дарвину, в природе самопробовались изменения в органах и отбирались (утверждались иль отсекались) механизмом борьбы за существование. Отбор по сути есть логосная операция: «да-нет», как в Булевой алгебре: дает проход качеству, замыкая сеть, иль нет; это выходные, операционные органы механизма самосделывания природы. А его двигатель и завод, сердце, энергия и сила — борьба за существование. При этом всякое отклонение (уродство) в особи от свойств вида сразу оказывается в поле действия разных сил: и условий среды, и конкуренции себе подобных; еще и тяга рода, и возможная реверсия при спаривании, — и Дарвин, как и Ньютон, предлагает идею **равнодействующей** силы-вектора, в котором направлении и следить эволюцию и суммирование отбора:

«Сверх того, в первом же и в последующих за ним поколениях они скрещивались бы с обыкновенной формой, и вследствие этого их ненормальный характер неизбежно исчезал бы» (стр. 82). Т. е. сила рода, тяга нормы оказалась бы сильнее других и притянула бы к себе.

Билль о правах видов

В этой главе Дарвин дает бой понятию «вида», объявляя его не божественной платоновой генерирующей идеей, а условно-договорным делом рук и умов людей, ученых, результатом их голосования: признать нечто за вид или нет: «во многих случаях вопрос решается только по большинству голосов натуралистов, так как немного найдется ясно выраженных и хорошо известных разновидностей, которые не были бы признаны за самостоятельные виды по крайней мере несколькими компетентными судьями» (стр. 86—87).

Голосование, выборы — тоже отбор, селекция. И, кстати, именно в Англии в социуме разрабатывали этот метод селекции магистратов (у них раньше всего парламент, и хартии, и культура вотирования).

«Из всего сказанного ясно, что термин «вид» я считаю совершенно произвольным, придуманным ради удобства для обозначения группы особей, близко между собою схожих, и существенно не отличающийся от термина «разновидность», которым обозначают формы, менее резко различающиеся и более колеблющиеся в своих признаках» (стр. 95).

Это стиль речь Кромвеля в палате общин: обоснованно-документированно предлагает билль о правах видов (как и кому иметь право считаться гражданином царства природы и иметь право голоса). Подход здесь к понятию вида-идеи опытно-прагматический и инструментальный: «для удобства» работы, а не священно-благоговейный, как для материков, которые в (в)идеях чувствуют семя, способное породить корень и древо мыслей и понятий в ходе растения-медитации умозрения. Идея (вид) чревата филиацией (отпочкованием, чадорождением) идей (видов).

«Таким образом, термин «вид» превращается в бесполезную абстракцию, подразумевающую и допускающую отдельный акт творения» (стр. 90), — продолжает гвоздить «вид» наш оратор-прокурор-надзиратель природы.

Дуб де Кандоля и фабрика Дарвина

Там, где Дарвин ссылается на работы французских натуралистов, явно проглядывает акцент их интереса:

«Упомяну здесь о замечательном труде, недавно опубликованном А. де Кандоля, о дубах всего света» (стр. 91). Дуб — *chêne* — характерно французское дерево, как *Fichtenbaum* (ель-сосна) — немецкое, береза — русское, ясень (Игдразилль) — для Скандинавии, платан — эллинское и т. д. И поэт недаром во Франции — «Дубовый» (Андре Шенье — *Chenier*), а в Германии философ — Фихте («Ель»). Еще друиды галльские под дубом священнодействовали. Дуб — мощно протяжен, круглообразен кроной, как социальное рондо и вихрь. Дуб — Король-Солнце среди деревьев. Романска архитектура Дуба, а у Ели — готическая.

Дарвин цитирует де Кандоля:

«Ошибаются те, кто продолжает повторять, что большинство наших видов строго разграничено. (Грань, как резня дискретности, противна откожному французскому сенсуализму, которому, напротив, приемлем и изыскан принцип continuum'a — Г. Г.)... Но как только наши сведения начинают разрастаться (= протягиваться — Г. Г.), промежуточные формы **всплывают** одна за другой, а с ними растут и сомнения относительно **границ** вида» (стр. 92). Тут французская декартова модель первоматерии как жидкости действует: образы всплывания, волны и текучей непрерывности навеяны. И естественно, что французский Логос склоняет де Кандоля к идее эволюции — как происхождения, -гонии, течения, вырастания видов из постепенно меняющихся условий (как и Ламарка). Акцент их — на прямом отношении особи (вида) — к среде: почве, климату и т. д., тогда как у Дарвина акцент в видообразовании — на борьбе особей:

«Альфонс де Кандоль и другие показали, что растения, широко расселенные, обыкновенно образуют разновидности (в этом случае протяжение — им демиург и родитель — Г. Г.); этого можно было ожидать, так как они подвергаются действию разнообразных физических условий и должны **конкурировать** с различными группами органических существ (а это обстоятельство, как увидим далее, не менее, **если не еще более, важно**)» (стр. 96).

Для Дарвина же природа — не генеалогическое древо, и не дуб видов, но — фабрика видов:

«Везде, где образовывалось много видов одного рода, или, если можно так выразиться, везде, где **фабрика видов** деятельно работала, мы вообще должны застать эту **фабрику** еще в действии, тем более что имеем все основания предполагать, что этот **процесс производства** новых видов должен совершаться медленно» (99—100).

И следующая, глава III «Борьба за существование», начинается, как с запева, с этого лейтмотива: «Каким образом достигли такого совершенства эти изумительные приспособления одной части организма к другой и к условиям жизни или одного организма к другому?»

Организм — слаженная мануфактура, с разделением труда между частями.

И вот здесь, в этих трех поворотах, я ощутил также возможные национальные акценты и аспекты. В самом деле: «приспособление одной части организма к другой», т. е. рассмотрение **внутри** (Innere) дома (Haus) организма как единого целого, системы, — это преимущественный аспект, разрабатываемый немецким Логосом: Гете («Метаморфоз растения»), Гегель. Диалектика частей и целого, единичного и всеобщего — это их дело.

«Приспособление организма к условиям жизни» — это аспект французского Логоса: индивид (частица), открытый в *среде*, от нее зависящий и к ней прилаживающийся в балансе и симметрии.

«Приспособление одного организма к другому» — это уровень рассмотрения, присущий английскому Логосу, и его здесь блистательно развивает Дарвин. Конкуренция, борьба за существование — это отношение не вертикальное (французское — с землей и средой) и не круговое (немецкое: гармония, согласование,

музыка частей и целого внутри единого организма), но горизонтально-векторное, ударное, на арене в борьбе, где самосдвигаются особи и виды.

«Нет ничего легче, как признать на словах истинность этой всеобщей борьбы за жизнь, и нет ничего труднее, — по крайней мере я нахожу это, — как не упускать никогда из виду этого заключения. И, тем не менее, пока оно не укоренится в нашем уме, вся **экономия природы**, со всеми сюда относящимися явлениями распределения (товаров-видов — взгляд политэконома — Г. Г.), редкости, изобилия, вымирания и изменений, будет представляться нам как бы в тумане или будет совершенно неверно нами понята» (стр. 106—107).

Итак, как кораблю при плавании в тумане нужно иметь не дальнюю ориентировку (по Целому — неба, звезд и т. д.), но приручную, прирученную: стрелку «спутника»-компаса, в которой приручен мамонт магнит, освоено явление магнетизма; как в механике Ньютона при полном тумане, неведомости насчет причин, того, что есть тяготение и т. п., однако выработан технически надежный способ разобраться в каждой притупленной ситуации (на основе уравнений трех законов), — так и Дарвин указывает именно на то, что принцип борьбы за существование надо не в общем и целом объявлять-признавать, но именно держаться за него повсеминутно, как за иглу компаса, не упуская из виду, как ключ ко всем частным решениям.

Тут также совершенно уместно употреблен Дарвиным мифологический образ Тумана (одно из могущественных в Англии космических божеств). Туман — ипостась Небогеана, его эманация-истечение-наваждение Бога, повелевающего человеку «самому не плошать», самосдвигаться, обходиться в бытии своими малыми подручными средствами, не пренебрегая тем, что они малы. И это — заповедь английскому Логосу от английского Космоса: так держать! Себя держаться! Опыта, наощупь (понятно, что в Тумане нет ясной очевидности декартовой интуиции, как под солнцем Франции), инструмента и практики — как критерия истины.

И вместо обычной для континента умилительной картины мировой гармонии, где телеология подана под модусом красоты и благолепия, Дарвин подает итоговую *целесообразность* под модусом войны всех против всех. Вот механизм (само)установления целесообразности в мире, увольняющий от работы **Предустановленную** гармонию германца Лейбница: не нужно теперь ее попечение о мире, и всякое -гонийно субстанциональное, априорное Материкатное **Предопределение**, ибо действует **самоопределение** и **самосдвигаемость** всякого существа и вида: «Лик природы нам представляется ликующим, мы часто видим избыток пищи; мы не видим или забываем, что птицы, которые беззаботно распевают вокруг нас, по большей части питаются насекомыми и семенами и таким образом постоянно истребляют жизнь; мы забываем, как эти певцы или их яйца и птенцы в свою очередь пожираются хищными птицами и зверями...» (стр. 107).

«**Природы вековечная давиленья**» — так названо это у русского поэта Заболоцкого. Однако, и сия деталь небезглагольна: Дарвин в сем люциферово-поэтическом слове людям о природе (да, это стиль речей Люцифера — у Милтона и у Байрона) толкует на материале *птиц* певчих и птиц хищных, а рус-

ский Лодейников, чтоб прочувствовать эту борьбу за существование в природе, должен припасть к земле и зарыться лицом в *растения-травы*:

Лодейников открыл лицо и поглядел
В траву. Трава пред ним предстала
Стеной сосудов. И любой сосуд
Светился жилками и плотью. Трепетала

(т. е. просвечивала душа, психея каждого растения* — к этому чуток русский).

Вся эта плоть и вверх росла, и гуд
Шел по земле. Прищелкивая по суставам,
Пришлепывая, странно шевелясь,
Огромный лес травы вытягивался вправо,
Туда, где солнце падало, светясь.
И то был бой травы, растений молчаливый бой.
Одни, вытягиваясь жирною трубой
И распустив листы, других собою мяли,
И напряженные их сочленения выделяли
Густую слизь. Другие лезли в щель
Между чужих листов. А третьи, как в постель,
Ложились на соседа и тянули
Его назад, чтоб выбился из сил.
...Лодейников склонился над листьями,
И в этот миг привиделся ему
Огромный червь, железными зубами
Схвативший лист и прянувший во тьму.
Так вот она гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем вздыхая, шепчутся леса!
Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
(Вон он, английский дарвиново-люциферов ракурс!)
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Природы вековая давящая
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее)**

* Нервная система — это дерево, растение в нас: «Сэр Дж. Леббок показал такую степень изменчивости этих главных нервов у *Sossus*, которую почти можно сравнивать с неправильным ветвлением ствола деревьев» (стр. 83).

** Н. Заболоцкий. Избранные произведения, т. 1, М. «Художественная литература». 1972, стр. 181—183.

И Баратынский в стихотворении «Смерть» рассуждая о ее благодетельности для бытия, такое говорит:

«Дашь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес»*

Т. е. русский, хоть и, как всякий материкат, растение первым делом на земле взвидит, однако ж и о небе помнит и о мере: Смерть и есть мера: умеряет -гонию Матери(и), кесаревым (Мужско-Царственным) сечением подрезая ее плодородие и оставляя простор небу, свету и ветру. Потому Смерть — Дочь Отца: «О, дочь верховного эфира!» (Там же).

6.IV.74.

И тут — **русский, северный оборот в толковании Смерти**: «Смерть дщерью тьмы не назову я».

Тьма — Матьма-Матерь(я). Смерть — могила, лоно Земли. Так видят Смерть там, где Земля мягка и глубока, в Средней Европе. Но там, где Земля плоска и неглубока и тоща, где она на полгода окостеневает, так что и труп зарыть невозможно, — там Смерть поднята от Земли, возвышена к Небу, передается из ведения Матери(и) в ведение Отца, Неба, Воз-духа.

«О, дочь верховного эфира!»

Эфир — небо. Зевс — эфир (по эллинским представлениям). И в «Песнях и плясках Смерти» русского поэта Голенищева-Кутузова, положенных на музыку Мусоргским, — Смерть выступает в облике Метели: вьюга — вот ведьма, разгул ветров снежных.

Зима — вот благая Смерть здесь, белая, ослепительно прекрасная. И действительно она — дочь неба: выпадает с неба, как дитя открытого Космоса, а не дитя Земли, которая — тепла.

И еще и у Заболоцкого, и у Баратынского — идея **космической гармонии** через Смерть, примирения всего со всем:

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое хранение Всемогуций
Его устройство поручил.
И ты летаешь над твореньем
Согласье прям его лия,
И в нем прохладным дуновеньем
Смирять буйство бытия.

Смерть — полет, дуновение: явно небесные способности, а не костяно-ургийные, земно-могильные, гробовые.

Ну да: это трудовой Запад представляет Смерть как мастерового, ремесленника с косой: как сделать что надо трудом с помощью инструмента, так и человека вогнать в гроб с помощью орудия.

* Е. А. Баратынский. Стихотворения и поэмы. М. 1971, стр. 174.

В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Вот где и кем осуществляется космическое *égalité* — равенство и мир среди существ, людей:

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.*

Итак: вот до Дарвина русским поэтом Евгением Баратынским аналогичная его принципу борьбы идея высказана: о *мере* всем вещам через Смерть, об обретении всякой вещью, существом своей меры, своего присущего себе вида (идеи) — через Смерть.

Но и поворот и акцент грандиозно разный: у Дарвина — борьба за **жизнь**, за существование, **переживание** наиболее приспособленных, т. е. упор сделан на положительную силу и волю к жизни в каждом существе, благодаря чему оно самовыделяется в обтесывающих его стычках с другими существами. У Баратынского то же явление увидено не из особой, а из строя Целого, и Смерть — не орудие, а субстанция, истинное существо(вание) среди мнимых временок и однодневок жизней. И в этом он — сын континуума Матери(и) России, ее Логос выражает.

Смерть — мир (а не борьба), гармония. Такое излучается и у Пушкина:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять,

и из описания Тургеневым могилы Базарова, и в «Дяде Ване» Чехова: «Мы отдохнем! Мы отдохнем!...» Русская Смерть — Светлана (недаром одно из мизерно-немногих национально-русских имен): она не угробит, а высветляет, облегчает от плоти. И я со Светланой живу...

Термины Дарвина в сопоставлении с материковыми

И Дарвин видит эти два аспекта, активный и пассивный, в которых одно и то же явление может быть представлено: «Про растение на окраине пустыни также говорят, что оно ведет борьбу за жизнь против засухи, хотя правильное было бы сказать, что оно зависит от влажности» (стр. 107). Хотя он осознает, что так было бы правильное (хотя это «правильнее» лишь из материковой логики, где властвует субстанция, а особь не самосоздается, а условиями делается, пассивнее, чем в Англии), но его английская душа лежит к тому, чтоб выразить это — пусть метафорически, но чрез борьбу. В главке: «Термин «борьба за существование» в широком смысле этого слова» Дарвин

* Баратынский. Цит. соч. стр. 174—75.

пишет: «Я должен предупредить, что применяю этот термин в широком и метафорическом смысле, включая сюда зависимость одного существа от другого, а также включая (что еще важнее) не только жизнь одной особи, но и **успех** ее в оставлении после себя потомства» (стр. 107) (что есть в Англии с ее слабой -гонимой и в то же время необходимостью передать фирму наследнику — Домби и **сын!** — поистине **успех**: кстати, тоже, как и «удача» — luck — английской Психеи термин).

Итак, сам Дарвин осознает, что это не научный термин и берется им из мира человеческих отношений и проецируется на мир природы. Так что Энгельс, когда в «Диалектике природы» пишет: «Дарвин и не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием мира животных»,* — не совсем точен, ибо Дарвин отдавал себе отчет в переносном характере этого термина. И в комический просак попал тут не Дарвин, а потом социальный дарвинизм, когда этот термин он взял из теории Дарвина как якобы вполне строго научный и перенес обратно в теорию общественного развития, — не подозревая, что это есть вторичное перенесение, метафора в квадрате, вторая производная...

Ведь и то, что Дарвин именует «**борьбой**», можно также обозначить как «**зависимость** одного существа от другого» (стр. 107) — так это склонны выразить французы в своих биологических и общественных теориях, исходящих в подспуде из принципа всеоблегающего социального рондо. «Зависимость» есть (и требует) связь, связывание одного с другим, протяжение руки на объятие. «Борьба» одного существа с другим предполагает отрыв, удар, зазор, дискретность. Хотя и тоже могут в объятии слиться («обнявшись крепче двух друзей»), но цель тут — чтоб конечно оторваться.

В этом пункте (где борьба) английский Логос очень чуток к возможным дифференциям и аспектам (ибо от них приемы и орудия борьбы зависят, на ринге бытия удар предусмотреть иль нанести неожиданный в поддыхало), — гораздо более, нежели Логос континентальный:

«Я назвал этот принцип, в силу которого каждое незначительное изменение, если только оно полезно, сохраняется, термином «Естественный отбор» для того, чтобы указать этим на его отношение к отбору, применяемому человеком. Но выражение, часто употребляемое м-ром Гербертом Спенсером, — Переживание наиболее приспособленного, — более точно, а иногда и одинаково удобно» (стр. 106).

«Отбор» — это род работы, операция. «Переживание» — итог, результат работы. «Естественный отбор» — работа Природы, трудовая операция в фабрике Целого. «Переживание наиболее приспособленного» — то же дело, но только с точки зрения индивида, особи: как его цель и результат усилий в борьбе.

* Фр. Энгельс. Диалектика природы. М., 1965, стр. 19.

И все эти варианты входят в итоговое заглавие книги Дарвина: «О происхождении видов путем естественного отбора, или (о) сохранении благоприятствующих пород в борьбе за жизнь» (стр. 3).

Значит, в этом — ядро и нерв теории. Можем сейчас углубить толкование заглавия. «Происхождение видов» — это не свой термин, а заданный, взятый из Логоса континента, откуда, как перчатку — вызов, перенимает Дарвин проблему на обработку на фабрике английского Логоса. Тут все термины — не свои: и «вид» — отпрыск платонова «эйдоса», «идеи», видимости (и лат. *species* — от «спектакля»), а это не присущий туманному Альбиону способ восприятия: не зрение тут первочувство, а скорее осязание-хватание: на опыт — о-щуп(ь). Недаром так яростно и зло разделяется Дарвин с термином «вид» (уже мы видели это). А «происхождение» (*origin* — от *origo*, *natus sum*, откуда и *natura* — «имеющая рождать») совсем сочтется -гонией, Матерью, откуда проис-хо-дят, как из недр и глубины, что присуще прорастанию, растению. «Происхождение» — явное «протяжение», из его предпосылки исходит.

И вот Дарвин начинает ход за ходом переводить на английский Логос эту проблему. Вглядимся в операции по преобразованию. Во-первых, «путем» (*by means of* — «при помощи средств»: *means of production* — средства производства, так что русский перевод, конечно, перекладывает на русский лад «путей-дорог», но уводит от английского -ургийного «подхода»). Т. е. сразу Дарвин приводит к понятию трудовой операции, инструмента, орудия, — т. е. начинает -гонию гнуть в сторону -ургии. Таким инструментом, оператором выдвинут «Естественный отбор». «Отбор» — антипод «происхождения», которое невыборочно, природа зачинает и родит слепо, не глядя швыряет в мир семена и тряпицы существ просто от распирающего ее лоно избытка. Готова выбросить чад своих куда угодно. Природа (= рожание) — перистальтика избытка, из-бытия, чтоб из-быть излишки. Тут просто, как на фабрике на конвейере, вытягивается кишка-пуповина-колбаса аморфная, а дело открытого пустого пространства (Бога, Неба, Разума, Труда) — видеть (на то и глаза звезд-светил даны) и соображать, что брать, как отсекают резцом и формировать.

Так что и в сотворении мира Двубого действует: Природа (Мать(я) рождает в -гонии, Бог-Отец-Творец претворяет уже рожденное в -ургии чрез Логос-Ум и Свет. Так что Творение (и библейское, о котором в книге Бытия) есть фактически **пре-творение** рожденного.

Итак, «отбор» — есть опустошение сплошняка про-исхождения, выборка, разрядка, дискретитация, зазор-позор -гонии. Из непрерывной континуальной кишки-волны протяжения формируют кванты-корпускулы-особи. И это — англо-саксонский Логос заповедает так поступать (и Ньютону — в корпускулярной теории света, и Планку в теории квантов действия).

И далее Дарвин через «или» дает не английский перевод европейской проблемы (это уже совершилось в приведении «происхождения» к «отбору»), но собственное, встречно-английское наименование темы-задачи-явления: «о сохранении благоприятствуемых (*favoured*) пород в борьбе за жизнь» (стр. 3). Это заглавие вполне в терминах английского Космо-Психо-Логоса и внятно соотечественникам.

Можно еще по-другому спарить понятия: «Происхождение видов» имеет в собственно английском заглавии себе аналог: «сохранение благоприятствуемых пород», т. е. вместо origin — preservation: вместо напора рожания-исхождения — укорочение; «сохранение» есть термин фиксации настоящего неподвижным, как оно есть, и даже повернуто вспять к прошлому (хранится то, что досталось). «Сохранение» есть стоячая волна, складывающаяся из исхода и отхода-отражения: о предел, грань. Так что «сохранение» тоже предполагает дискретность, выдержанность (как и консервы хорошо сохраняются в вакууме и холоде небытия, т. е. там, где -гонией и не пахнет). «Происхождение» же одновекторно: из прошлого в одну сторону — эволюции вперед. И этот аспект проблемы подхватывается французским Логосом (Ламарк, и вообще эволюция, прогресс и цель впереди — ценностные ориентиры французского бытия и суждения).

А «Естественный отбор» в первом, всеобщем, заглавии имеет аналогом «Борьбу за жизнь» в специально английском. «Естественный отбор» тем недостаточен, что указывает операцию — без *силы*, что ее осуществить может, а это, понятие силы, для англичанина — главное. «Борьба за жизнь» и является расшифровкой понятия «естественного отбора», в чем его суть и ядро, сердце и двигатель этой машины и процедуры. «Борьба за жизнь» в системе Дарвина, в организации органического мира природы, выступает совершенно на тех же правах, что и «всемирное тяготение» в организации вселенной в системе Ньютона.

Они взаимно дополнительные. Действительно: борьба за жизнь есть сила разделяющая, призвана к этому в кишении и тесте природы, где все избыточно нарождается и липнет и налипает друг на друга, так что не продыхнуть и нет никому жизни, все удушат друг друга, так что в итоге преизбыточного плодородия природы вместо жизни установится месиво и всеобщий ком смерти. Значит, искомой силе, учреждающей порядок жизни в природе, надо быть такой, чтоб отдирает существа и ткани и тела от прилипания друг ко другу в сочащемся клейком влечении Эроса-Любви.

Потому такой силой, упорядочивающей органический мир, может и должна быть именно борьба, вражда.

Наоборот, среди ужасающих пустот Вселенной и космических отстояний тела от тела, света от света, силой, организующей пустотный хаос в расчленинный гармонический космос упорядоченных тел и светил, должна быть сила взаимного тяготения, (влечения, Эроса, Любви) частицы к частице, массы к массе. И потому в системе Ньютона, обращенной на вынос и отлет от Земли, основная сила — всемирное тяготение.

Хотя его термин — *gravitatio* — имеет вертикальный подспуд: это ступание, тяжесть, серьезность. А наше «тяготение» имеет в себе горизонтальный обертоны — тянущия, протяжения. Так что и здесь видно, как материковый Психо-Космо-Логос приспособляет и переиначивает на свой лад даже вроде строго научные понятия той же механики Ньютона, — и наполняет их более интимными себе и родными подтекстами и ассоциациями. А они-то и становятся потом семенами и источниками рождающихся здесь толкований и собственно творческих отпочкований-ответвлений этой привнесенной теории.

И еще термин «вид» (species) заменен в туземном заглавии на «порода», «раса» (race), — т. е. исчез аспект «зрения», но -гония не появилась, как в русском термине **порода** (от «родов»), ибо race — это, как толкуют в Оксфордском словаре английского языка, именно «группа», совокупность особей, т. е. сбор. Слово «race» еще в английском языке обозначает скачки, гонки (спорт) любимых **лошадей**. А это понятие им интимнее, чем эллинский «вид», умо-зрение.

И недалеко от rasa — tabula rasa сознания у Локка.

И далее в главе, растолковывающей работу борьбы за существование, Дарвин начинает именно с «геометрической прогрессии размножения» — т. е. с хаоса и кишения взаимооблепляющей жизни, если дать волю -гонии. На эту неумную прорву рожания и садится верхом борьба со своим секущим стрелком. Численность существ, категория количества — дело -гонии (математика — матема, Пифагор — ноцен). Качество, совершенствование, возделывание (особей, органов, видов) — дело -ургии, труда, действующего через Смерть, мечом борьбы. Качество — чрез умерение-умерщвление количества: естественный отбор — губитель природного плодородия, которое прет по экспоненте: «Взгляните на самый могучий вид: насколько он кишит своими многочисленными представителями, настолько же он стремится к дальнейшему увеличению численности» (стр. 112).

Меру этому кладет то, что природа устроена как многоэтажная обжорка: каждый служит добычей и пищей другому: «очень часто средняя численность вида зависит не от добываемой им пищи, а от того, что он служит добычей другим животным» (стр. 113).

И вот шекспировская картина жизни существ природы:

«Каждое единичное органическое существо, можно сказать, **напрягает все свои силы**, чтобы увеличить свою численность; ...каждое из них **живет, только выдерживая борьбу** в каком-либо возрасте своей жизни; ...**жестокое истребление** неизменно обрушивается **на старого или молодого** в каждом поколении или через повторяющиеся промежутки» (стр. 112).

Как же после этого отказать живым организмам в присутствии души? — возмутились бы Локк и Дарвин против Декарта. Но у него это понятно: субстанция рождает, а те получают свойства, они — функции, она — аргумент; связь необратима. Его животные — автоматы, которых заводит и соделывает природа. У Дарвина они «**автоматы**», тоже машины, но которые сделываются сами (selfmade). Рассматривая далее климат и другие физические условия (категории, регулирующие виды, на взгляд натуралистов континента), Дарвин и их приводит к борьбе, показывает, что и изменения в климате действуют не прямо, а лишь через механизм борьбы:

«Климат играет важную роль в определении средней численности видов, и периоды очень низкой температуры или засухи, по-видимому, самое действительное препятствие для размножения. (Сжатие холодом — гарротта: климат казнит или дарует жизнь — Г. Г.)... Действие климата на первых порах может показаться совершенно независимым от борьбы за существование; но в силу того, что климат влияет главным образом на сокращение пищи, он вызывает

самую жестокую борьбу между особями, все равно, одного и того же или различных видов, питающихся одной и той же пищей» (стр. 114).

Но север и юг в отношении условий для жизни разны. В Индии — фантастическое плодородие, максимум пищи и видов существ и особей каждого вида, и напряжение борьбы за существование. Тут борьба верхом на борьбе и самопожирание победителей. Напротив, «число видов вообще, а следовательно, и конкурирующих, убывает по направлению к северу» (стр. 115).

На русской равнине меньше существ, слабее конкуренция, напротив, в природе — предпосылки для братства, сообщества и взаимопомощи,* для борьбы не друг с другом, а против неблагоприятных условий природы. Социальные и политические проблемы здесь устройства людей в обществе между собой — отступают, не столь важное место занимают в быту, душе и сознании, (так что мирятся с тем, как придется...), нежели холод, отношения с открытым космосом Природы, с стихиями. «Когда же мы достигаем полярных стран или снеговых вершин, или настоящей пустыни (вот основа взаимопонимания русских и народов пустынь Африки, что мы видим в наше время: помощь, перенятие опыта социальной организации и производства — Г. Г.), мы видим, что борьба за жизнь ведется исключительно со стихиями» (стр. 115). «Только на крайних границах жизни, в полярных ли странах или на окраине настоящей пустыни, прекращается всякая конкуренция» (стр. 125).

Тем самым Дарвин локализовал свой принцип — борьбу за существование — умеренными широтами, субтропиками и тропиками. Здесь существа обращены лицом к лицу друг ко другу во враждебности и борьбе, чтоб прорваться каждому можно стало до вертикали пищи на земле или воздуха и света с неба.

В Арктике ж и в Сахаре живое существо обращено прямо к стихиям, внешним физическим условиям и торчит в открытый Космос по вертикали, — так же как опилки у полюсов магнита торчат, а посередине лежат, глядя друг на друга.

Однако, и то парадокс для теории Мальтуса-Дарвина, что в Индии, где перенаселение существ, — наиболее мирный между собой народ, кроткий, и в животных тоже мягкость (отмеченная и в поэмах и пуранах индуизма, в «Панчатантре», в притчах буддизма, и у Киплинга даже). Подобно и в Китае и в Японии. Тут, очевидно, другие законы меры в бытии царят. А борьба за существование, значит, явление средних широт, умеренного космоса, где и внешнее состояние субстанции, физические условия, плодородие, -гония ослаблены, и существ не столь плотно население. Так что у них уже есть зазор — и входят в раж, все им мало, и давай больше жизненного пространства и пищи — и тогда вцепляются в ближнего...

* Русский Логос в противовес западной, дарвиновой «борьбе за существование» выдвинул в лице князя П. А. Кропоткина теорию «взаимопомощи» существ в устройении бытия, что аналогично идеям «соборности» и «общины» тут. — 14.VI.2006.

И самое точное попадание и прилегание закона Дарвина — конечно, к собственным условиям островного космо-психо-логоса Англии: тут он попадает в яблочко. «Битвы следует за битвами с постоянно колеблющимся успехом, и тем не менее в данном итоге силы так тонко уравновешены (равнодействующие ньютонovy силы — Г. Г.), что облик природы в течение долгих периодов остается неизменным (= консервативным — Г. Г.), хотя самое ничтожное обстоятельство (а тут уж *случай* — Господин, Его величество, ему в английском Логосе даются все карты в руки. Именно: случай, хоть и не управляет, как векторы-премьеры, но все ж — царствует! — Г. Г.), несомненно, дает победу одному организму над другим. И тем не менее так глубоко наше невежество и так велика предвзятость наших мнений («наше» — это не домашне-английское, но ироничное «наше», это — общепринятое натуралистами континента: в их огород сейчас запустит камешек — Г. Г.), что мы дивимся, когда слышим о вымирании какого-нибудь органического существа и, не видя тому причины, прибегаем к катаклизмам, опустошающим землю», (*катаклизмы* Кювье: землянин-материкат, он биологию приводит к геологии, к диктатуре Земли: все — от нее, как от воистину **субстанции*** — «**подстанции**» энергетической и -гонийной. Не может и помыслить континенталец, что существа как-то сами собой, относительно независимо от внешней им среды и протяжения регулироваться могут, и разная фауна и флора может складываться на одной и той же земле, без надобности ей трястись и в гробу своем переворачиваться в катастрофах, когда ей клизму катаклизма бытие воткнет. Тогда, по Кювье, восстановится опять ровное однородное протяжение, диктующее стиль эпохе природы и склад и поведение ее существам, — но сами по себе они не самоучреждающиеся в формах своих и отношениях — Г. Г.), «или сочиняем законы продолжительности существования жизненных форм!» (стр. 119) А это уж априорная мера из -гонии, из германской **Предустановленной** гармонии и из их призмы Времени).

Подсос пустоты в творчестве

7.IV.74. Из полного расслабления ума всхожу сейчас на алтарь. Вчера, исполнив к обеду свой утренний урок и оставив за собой 12 страниц, выссанный, ликовал с женою: не ожидал я, что станет так поддаваться Английский Космос!

Предложила она в кино сходить на 4 ч. Пошли с Настей. Св. журнальчик взяла, читать. А я не могу, не должен глядеть на письменное слово. Должен блюсти творческий вакуум.

Творец — как печка. Тяга должна быть хорошая в трубе, а для того подсос пустоты — чистоты. Не допускать засорения — эрудицией излишней: несварение, непроход и запор тогда.

* Геология как раз роется в поддоне земли, подслоем за подслоем, субстрат за субстанцией обнаруживая.

А когда наберешь за полдня и за ночь достаточно пустоты — тогда с утра слетаться есть куда ассоциациям, мыслям: есть на них алчба и Эрос угадывать. И горят и плавятся в тигле разнородные любые слетающиеся материалы.

И жене советую: забота у тебя теперь должна быть не о наполнении, а о пустоте, о содержании себя в пустоте — чистоте.

Фильм оказался — про Англию, действие в Шотландии: пейзажи, лица — и история зверька прирученного — выдры. Как подарок от бытия! — мне ко Англии, и ребенку Насте — про зверька.

Душу, как вербу освященную=свечку возженную понес

Потом в церковь поехал: проповедь в 7 час. Шпиллер будет. Но попасть не смог. Народу! С вербами — святить: завтра (сегодня уж) Вербное воскресенье.

Встал в толпе у двери. И снизошло умиление: что вот мы все душонки, кто в чем, у кого еле в теле, старушонки, образованные в очках и простые в платках, — слетелись к стопам Твоим припасть, наш Иисусе возлюбленный! Соединяемся в тяге к Тебе, к жертве Твоей, на общее наше спасение. И плавятся перегородки меж нами, разными якобы, людьми: все мы одно друг в друге чувствуем. Старушка одна мне с радостью:

— Вот, говорят верующих мужиков не стало! А вот Вы! Благослови Вас Бог!

И я ей также с умиленной улыбкой:

— Благослови и Вас Бог!

Подошел какой-то художественного вида черный в модной дубленке. Тоже, склоня голову, крестился.

И такое слезное орошение умилением я в груди испытал, — стал возле, даже не во храме, что и лучше, чем если б во храме.

Подошла молодая с детками: «Пропустите ее!» — пропустили. За ней кто-то подался проникнуть. И у меня поползновение шевельнулось — но тут же вспомнил притчу о верующем буддисте, который отправился послушать проповедника, но не мог переправиться через реку, потому что лодочник сам пошел слушать. И этот не огорчился, а порадовался за лодочника, что вот другой сподобился...

Вот такую радостью — не за себя, а друг за друга, мы должны радоваться во Христе: что не мне удалось и повезло, а соседу иль дальнему! Вот тогда мир будет рай психейный, и меж нас и здесь Царствие Божие установится.

И уходя, в рыдании светлом просил Христа: Господи! Держи вот так мою душу в Своей руке! Не выпускай ее! Не выпускай!

И так и видел белую душу свою — как птицу, воссевшую на длань Христа! О Господи! Счастье какое! И пошел к своим, домой, ковчежец свой, где щенята-детки, мама бедная супружница, и мы такие умильные, свои, домашние!

И ни в какие другие люди («друзья», на светски-интеллигентское общение) позыва нисколько не было идти. А шел из Церкви-общины вселенской — в домок свой и душу свою нес как возженную об общую любовь свечку — в дом свой это благословение занести: как вербу освященную, душу свою умиленную нес.

Отбор — как Бог в Творении и Совесть в нас

7.IV.74.

Да, справедливо я вчера отождествил «Происхождение» с Матерью Природой, «Отбор» — с Богом Творцом. В последующей главе IV «Естественный отбор или переживание наиболее приспособленных» — высказаны ценностные, телеологические установки Дарвина, а Естественный отбор наделен такими атрибутами и характеристиками, которыми традиционно наделяют Бога: «Могущество Естественного Отбора», Провидчество, Совершенство(вание). Даже сам Дарвин чувствует теологический тон своего повествования об Отборе: «Говорилось также, будто я говорю об естественном отборе, как о каком-то деятельном начале иль Божестве; но кто же когда-нибудь укорял писателей за выражения вроде: всемирное тяготение управляет движением планет? (Характерна эта перекличка Дарвина с Ньютоном. Тот ведь тоже Божество чувствовал как налаживающее правильные и законосообразные движения и действия всего во вселенной: Бог стоит за тяготением — Г. Г.) Всякий знает, что подразумевается под такими метафорическими выражениями, и они почти неизбежны ради краткости речи. (Тоже важное признание ученого: метафора экономнее, чем изложение в научных терминах. В ней больше энергии и ясности, хотя не буквальная, но духовная — Г. Г.) Точно так же трудно обойтись без олицетворения слова «Природа» (ст. 129—130).

Раз парой Отбору выступает Природа (с большой буквы), а Природа уже по извечной схеме выступает как пара-супруга Бога, то еще и отсюда, по тождеству занимаемых логических мест, мы закрепляем толкование Отбора как Бога-Творца в системе Дарвина.

«Выражаясь метафорически, можно сказать, что естественный отбор ежедневно и ежечасно расследует по всему свету мельчайшие изменения, отбрасывая дурные, сохраняя и слагая хорошие (как по теологии Августина: Бог не может хотеть зла, Он может хотеть только блага; Его вектор — положителен — Г. Г.), работая неслышно и невидимо, *где бы и когда бы ни представил-ся к тому случай* (курсив Дарвина — Г. Г.), над усовершенствованием каждого органического существа в связи с условиями его жизни, органическими и неорганическими» (стр. 133).

Отбор здесь выступает совершенно как всевидящее Провидение, вездесущий Промысел для всех тварей, ведущий их ко благу и совершенству. Его присутствие везде явно по его следам и плодам дел — и в то же время неслышно и невидимо, нематериально как бы, неосязаемо...

Отбор в природе — такой же механизм, как **совесть в нас**. Совесть есть само-бытие Бога в нас, Его всевидящее око, не надзирающее извне, но помещенное внутри нас, так что тут уж от него некуда деться. И это особенно чувствуют в английском модусе религии и веры, где каждый — особь, остров и *selfmade*, он на прямой привязи с Богом держится и оттого право имеет из себя смело и свободно выступать, действовать и судить.

Континентальные верования, напротив, чтут Бога-субстанцию, Бога надзирающего, полагающего нас извне нас, заводящего, контролирующего, — но в себе мы автомат бездушный и только приниканием к корням-родникам-глубинам Матери(и) (Мадонна католицизма), иль воспарением, всасыванием Воз-духа с Неба (лютеранство) причащаемся. Потому тут церкви, обряды, священства, осуждения, исповеди, пастыри и т. д.

В Англии ж свободное религиозное творчество развилось: сколько сект (тоже принцип дискретности, рассечения-разделения труда в религии) тут зародилось! В XVII в. каждый — пророк и апостол: каждая особь — потенциальный родоначальник и духовной разновидности (как по Дарвину — материальной) существ.

На континенте же не случайно церковь в каждой стране имела силу и чувствовала за собой право сокрушать ереси и отклонения, — и имела в этом поддержку страны. Тут принцип единой протяженной субстанции глаголал в принципе непременно «вселенской католической Церкви», которою объявляла себя каждая национальная.

И недопустима на континенте настоящая свобода совести: она тут не столь уверена в себе, всегда сверяет себя с промежуточным меж Богом и личностью учреждением иль идей, подпорок требует.

А в Англии именно на суверенности совести каждого человека основывал необразованный и безвластный народ в XVII в. свои преобразующие власть требования; из родника совести черпал слова своих позиций. Вот заглавие памфлета истинных левеллеров (диггеров-«копателей», «поднимателей земли»): «Свет, сияющий в Бекенгеймшире», (вот! Уже все этим соединением сказано: Абсолютный Бог-Свет просиявает прямо в нашем местечке) «или» (как и у Дарвина: два уровня заглавия) «раскрытие великой главной причины всякого рабства во всем мире и особенно в Англии (= право судить обо всем — Г. Г.), изложенное в форме декларации многих благонамеренных людей страны ко всем бедным и угнетенным сельским жителям Англии и предназначенное также к сведению теперешней предводительствуемой лордом Ферфаксом армии (5 декабря 1648 г.)»*. Опять Логос пришел, присел к конкретной общине-острову: к армии Ферфакса чрез Небогеан пришел луч-волна от жителей Бекингеймшира: особь с особью общаются друг с другом через зазор Бога, в котором — каждый, и каждый чувствует Его голос.

Отсюда — и обратно: терпимость к религиозному чувству другого, которая вот из письма Кромвеля генерал-майору Кроуфорду от 10 марта 1643 г. излучается:

«Сэр!.. Право же вы плохо поступаете, увольняя человека, настолько преданного делу и могущего так хорошо служить вам, как он. Разрешите мне сказать вам, что я не согласен с вами...

Но он «анабаптист». Вы уверены в этом? Предположим, что это верно. Разве это делает его неспособным служить государству? «Он нескромен». Возможно, что это так, в некоторых вещах: у всех людей есть недостатки.

* Эпоха промышленного капитализма в документах... стр. 45.

Уверяю вас, что если бы около вас были только такие «нескромные» люди и если бы вы обращались с ними хорошо, они были бы таким же твердым оплотом для вас, как те, которых вы до сих пор выбирали.

Сэр, государство, выбирая людей для служения ему, не обращает внимания на их религиозные воззрения; если они готовы верно служить ему — этого достаточно. Я советовал вам прежде не чуждаться людей, взгляды которых отличны от ваших, если бы вы послушались моего совета, вы не встретили бы на своем пути столько камней преткновения. Возможно, что вы думаете иначе; но я высказываю свое мнение»*.

Тут стиль английского бытия и Логоса вполне выразился, и недаром этот, кромвелевский принцип терпимости победил континентальную тотальность и королевско-стюартовского католицизма, и рьяность пресвитериан и разных сект.

Тогда как раз, в XVII в., самоопределялась Англия по всем швам, разрывая континентальные пути и в Логосе, и в Социуме, и в Психее. В адресате Кромвеля явно еще отрывка континентальной тотальности говорила, когда он уволил офицера за анабаптизм и нескромность-непокорность. Напротив — **именно различие** в жанрах людей и видах существ требуется острову и государству Англии, чтоб она консолидировалась в своем принципе в отличие от материка. Ибо, как покажет Дарвин, при разнородности типов и видов большее число существ может существовать на одну и ту же данную внешними условиями «сумму жизни».

«Истинность того положения, что наибольшая сумма жизни осуществляется при наибольшем разнообразии строения, очевидна во многих естественных условиях» (стр. 171).

Т. е. принцип: сам живи и другим жить давай — это не пожелание в Англии, а *sine qua non* постулат, так что и в духовной области терпимость — не вопрос доброй воли генерала Кромвеля или другого, но аксиома местного Космо-Психо-Логоса.

Итак, именно **Бог побуждает в Англии к розни**, а не единению: реализовать себя как особь и породу — и тогда ты не будешь сталкиваться с другим в диавольской борьбе на уничтожение. Совесть в каждом и есть Божеский завод и благословение на обособление, на самовыделывание — и чрез то на уход от борьбы на свой уровень, где я, не мешая другому существу, могу беспрепятственно любить его, всякого ближнего и дальнего**.

У этих, французов, при общем прилегании друг ко другу, добродетель — пружинно изогнуться и пропустить другого. В Англии она не нужна, ибо не за одно и то же, но за разное соревнуются люди, и не в одну линию, а в разные стороны смотрят; да и пустоты меж ними есть.

* Там же, стр. 35.

** «... В Англии, дорогой сэр, сказал я, мы все сидим так, чтобы каждому было удобно» — так ответил Стерн французскому офицеру в ложе, который чрезвычайно обходительно и галантно, с готовностью уступить, обошелся с ним. (Стерн, Цит. соч. стр. 89).

Борьба — для ухода от борьбы на покой себя

Так что борьба и столкновение — для расталкивания-отката всех на свои места, действия — для противодействия (ньютонов третий закон). Борьба — инструмент самовыделывания-самоузнавания каждым себя и другого — и для любви на расхождении и расстоянии, немешании и невмешательстве, ибо невмешательство и воздержание от действия, как самообладание, — есть противостояние засасывающему влечению протяжения, лишаящему особь своего ума и суждения (как это в массовых духовных эпидемиях континентальцев прокатывается: у французов, немцев и т. д.), и тоже реализация Отцова-Творцова закона — против хити Матери(и) Природы.

И Дарвин показывает, как в каждое существо вложен, на правах совести, этот Божеский самозавод, закон-двигатель к изменчивости, разнообразию, чем реализуется и совершенствование его собственной породы, и всей Природы. Ибо достаточно у одной особи одного вида случайно появиться незначительному улучшению одного органа, как это, через эфир-Небогеан связи с другими, чрез механизм конкуренции необходимо должно будет отозваться разлитием некоторого совершенствования во всех смежных и дальних видах:

«Окончательный результат выражается в том, что каждое существо обнаруживает тенденцию делаться более и более совершенным по отношению к окружающим его условиям. Это усовершенствование неизбежно ведет к постоянному повышению организации большей части живых существ во всем мире» (стр. 185).

А как же остаются простейшие, на низших фазах? И это объяснимо из механизма борьбы и отбора, которые действуют не однолинейно в сторону прогресса (каков вектор эволюции во Французском Логосе: прогресс, оптимизм, Ламарк, Сен-Симон и т. д.), — но именно к разнообразию, дивергенции (расхождению признаков), разбрасыванию существ по самым разным векторам: в борьбе именно находится каждым и реализуется его направление и принцип своебытия, обособления и немешания другим.

«Хотя организация в целом подвинулась и продолжает во всем свете подвигаться вперед, тем не менее органическая лестница (заимствованный иерархический образ с континента: башня, дерево, иерархия, тогда как в Англии — более неорганизованное рассеяние кто во что горазд, а не по лестнице иль по дороге предполагается — Г. Г.) будет всегда представлять различные степени совершенства, потому что высокое развитие некоторых целых классов или некоторых их представителей не влечет за собою необходимо вымирания тех групп, с которыми они непосредственно не конкурируют» (стр. 189).

Отсюда демократичность поведения английских королей (Генри — с Фальстафом, Лир — с шутом); нет и того снобизма образованности, задиранья интеллигенцией носа перед «чернью» (как это на континенте, в России, где иные очень «хочут свою образованность показать», а другие тоже очень на это обижаются: «Ишь, в очках! Шляпу надел!»). И в простейших организмах чтится здесь совершенство в своем роде.

Нет и стремления передовых деятелей всех поднять до себя, ободинаковать: чтоб все толпились-теснились на одном уровне — в передовой шеренге, одними благами пользовались и одним умом и образованием жили. Чрезвычайно дифференцирована в Англии система обучения: разные тесты, чтоб каждому помочь найти свой вектор.

«При очень простых жизненных условиях высокая организация не оказала бы никакой услуги, — пожалуй, даже оказала бы дурную услугу, так как вследствие своей хрупкости была бы более подвержена расстройству и порче» (стр. 189)

Критерий совершенства в устроении Природы по Дарвину, — это **степень дифференцировки** (стр. 185) существ, органов, полов, модусов существования, пропитания, т. е. специализация и разделение труда — как на хорошей фабрике, в индустрии. Но как в некоторых сферах труда невыгодна механизация, так и в некоторых условиях природы полезна простота организации и отсутствие разделения труда:

«Все физиологии допускают, что специализация органов, — поскольку при этом условии они лучше исполняют свои отправления, — полезна для каждого существа... С другой стороны, имея в виду размножение в геометрической прогрессии и стремление всех органических существ захватить каждое свободное или плохо занятое место в экономии природы, мы легко поймем, что естественный отбор может постепенно приспособлять организмы и к таким положениям, где некоторые органы оказались бы излишними или бесполезными, и в таком случае его действие обнаружится регрессивным движением на низшие степени организации» (стр. 186—187).

Так что, по-английски, развитие — не прогресс лишь, не один вектор, но сложное движение-расхождение, где вектора ищут свободных щелей, и прорываются то вспять, то вбок.

Французский же Логос тут более однолинеен: знает лишь прогресс (Ламарк) или же, alter ego и баланс прогресса, — регресс в нравах (учение Руссо и зов назад к природе).

«Ламарк был настолько убежден в присущем всем организмам врожденном и неуклонном стремлении к совершенствованию и так сильно чувствовал это затруднение (что в природе распространены и сейчас простейшие, одноклеточные, инфузории... — Г. Г.), что пришел к предположению о постоянном возникновении новых и простейших форм путем самопроизвольного **зарождения**» (стр. 187).

Вот явление корреляции в Логосе: аксиомы единобытия всех, тотальности, единого направления, растения-прогресса — сопрягаются с принципом -гонии, протяжения, субстанции. И характерно, что если английскому Логосу адекватен -ургийный принцип **самосделанности**, то Ламарк здесь прибегает к -гонийному постулату **самозарождения**.

Итак, развитие бытия по-английски — это идеальный разброс, а не путь-дорога столбовая, магистраль истории, эволюции (как по Ламарку). Идею ряда (строю, шеренги иль колонны) столь любимую континенталами, Дарвин разбивает:

«Различные подчиненные группы в пределах одного класса не могут быть распределены в виде одного ряда, а скучиваются вокруг точек, которые в свою очередь скучиваются вокруг других точек, и так почти бесконечными кругами» (стр. 196).

Вот английский Логос и Космос: дискретность тел и отстояний-зазоров, скученность в городах-островах, а меж ними — пустоши. И по Ньютону масса тела — это скученность частиц вокруг математической точки центра масс (тяжести), которая, в принципе, может представлять за все тело, за всю массу, в расчетах сил и движений.

Не годится здесь и образ Дерева, столь излюбленная модель мира в Логосе многих народов материка Евразии. Хотя Дарвин ее и берет (как мы уже видели, часто перенимает готовые проблемы, их выражения и термины с континента) в заключение главы, но приглядимся, что он с Древом делает:

«Сродство всех существ, принадлежащих и одному классу, иногда изображают в форме большого дерева. Я думаю, что это сравнение очень близко соответствует истине. Зеленые ветви с распускающимися почками представляют существующие виды, а ветви предшествующих лет соответствуют длинному ряду вымерших видов» (стр. 197).

У Роберта Саути есть стихотворение «The Holly Tree» — «Дерево-остролист». Оно характерно для **английской интерпретации образа Мирового Древа**:

«О Читатель! Постоял ли ты когда-нибудь, чтоб взглянуть и понять Дерево Остролист? Глаз, что созерцает его, хорошо различит его блестящие листья, упорядоченные разумом столь мудрым, что это могло бы спутать хитросплетения атеистов.

Внизу — окружающая изгородь: его листья видятся сморщенными и острыми; никакой пасущийся на подножном корму скот сквозь этот колючий круг не сможет его достигнуть, чтоб поранить; но по мере того, как они вырастают туда, где некого бояться, мягкими и невооруженными появляются незаостренные листья.

Я люблю созерцать эти вещи любопытным оком и морализировать: и в мудрости Древа Остролиста я могу постигать эмблемы, которыми можно было бы сделать приятный стих — такой, чтоб пригодился впоследствии.

Так, хоть вне дома (abroad — за границей себя: «я» здесь — как корабль с бортом: on board a ship, резкий предел — Г. Г.), я, быть может, (perchance — «по случайности» — второй раз здесь это слово — Г. Г.) покажусь жестким и суровым (harsh and austere) к тем, кто хотел бы вторгнуться в мой досуг (leisure — непринужденность, когда человек при себе — Г. Г.), сдержанным и грубым, — мягок (gentle) дома среди друзей моих я буду, как высокие листья на Древе Остролист.

И если моя юность — как, я знаю, и подобает юности, — явит некоторую шерховатость, все суетные колкости день за днем я буду снашивать прочь, пока ровный (smooth) нрав моей зрелости не станет, как высокие листья на Древе Остролист.

И когда все летние деревья выглядят столь яркими и зелеными, листья Остролиста являют более трезвый (sober — умеренный) оттенок, менее яр-

кий, чем у тех; но зато когда мы видим зимние деревья столь голыми, что более ободряюще (cheerful), нежели Дерево Остролист? Так серьезной должна показаться моя юность среди бездумной толчеи (throng), так явлюсь я среди юных и веселых более суровым, чем они, — чтобы в старости (in my age) столь бодрым мог я быть, как зеленая зима Деревя Остролист»*.

8.IV.74. Мировое Дерево есть грандиозная и многосмысленная мифологема, модель Космоса, структура мироустройства. Оно ось-вертикаль — связь миров: неба, воздушного пространства, земли, подземья. Оно лестница — из царства мертвых — в вечный свет. По его ветвям — этажи дома мироздания размещаются (семь небес), по иерархии их причастности к выси (птицы) или низу (змеи, животные). Дерево — как человек: вертикальное стояние, крест рук, голова кроны, ноги-пальцы корней. И человек — его тело, как и дерево, — пригоден для аналогичного моделирования вселенной: череп — небо, мозг — облака, глаза — солнце и луна, легкие — воздух, ноги — земля и т. д.

Дерево — ось, неподвижность. Миры могут вокруг вращаться, но оно — стоит, в отличие от сошедшего с катушек животного или человека.

Дерево Жизни, Дерево Познания (ибо дерево — дорога познания и табло: на нем все размещено, что ни возникло в свое время). Гегель как раз реализовал своей системой Дерево Познания: разместив на разных уровнях фазы становления, феноменологию духа и бытия. А семя — ствол — семя = триада: тезис — антитезис — синтез.

Соперничающая с Деревом и Человеком космологическая модель Целого — Мировое Яйцо. В нем — шар и две створки: купол неба и диск земли, остров жизни — желток солнца среди океана-студня-белка. Тут мир — вмещен, закрыт. Яйцо — объем и охват бытия извне дает. Дерево — его внутреннюю жизнь, саморазвитие бытия, и оно — открыто. Первое (Innere) дорого немцам, второе (открытость) русским.

В индо-германстве Дерево единством дорого: из единого зерна-семени вырастает такое грандиозное разнообразие. Дерево — воплощенная дедукция, умозрение, длительная медитация во времени, отпочковывающая из себя идеи — ветви.

Дерево — непрерывность, континуум, протяжение одного и превращение в другое — без разрывов, но плавно.

По всему по этому Дерево — идеальное табло для континентального Логоса.

Островитянам более подходит модель Мирового Яйца. Недаром у первобытных народов на островах Полинезии этнограф зафиксировал множество вариантов космогонического мифа, согласно которому мир — из яйца: как оно плавало в космических водах вселенной, саморасколость на две створки: небо и землю — и пошла жизнь.

Остров и есть яйцо в Океане. Так что и Британии бы, родись там спонтанный космогонический миф, более подобало и естественнее с яйцом иметь дело. И то, что у Свифта в Лилипутии борются две партии: остроконечников и

* The Rose, Thistle and Shamrock... p. 436—437.

тупоконечников (с какого конца разбивать яйцо — в этом их различие), что лапутяне яйцеголовы, — в этом косвенное свидетельство интимной приверженности английского Космо-Психо-Логоса к модели яйца. И его «Сказка о бочке» то же выдает: бочка ведь — тоже яйцо.

И в «Алисе в стране чудес» важнейший эпизод — встреча Алисы с философствующим яйцом: Humpty-Dumpty («Коротышка», «Шалтай-Балтай» — т. е. то, что в качке на судне, которое тоже — скорлупка, человек испытывает: чувствует, как океан его внутренности взбалтывает, как гоголь-моголь). А это — персонаж из популярного английского детского стихотворения (а они все — сочатся мифологемами): коротенькое толстое существо в виде яйца. Песенка про него в переводе Маршака такова: «Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне. Вся королевская конница, вся королевская рать не может Шалтая, не может Болтая, Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая, Шалтая_Болтая собрать»*.

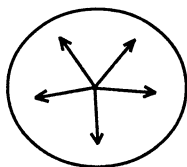
Тут явно событие разбиения Мирового Яйца, и как прыснуло-брызнуло бытие по разным векторам в дивергенции. Собрать (= конвергенция) — дело сомнительное и невозможное. И Дарвин, как скептически к идее реверсии относится, так и к подобной же, должно быть, материковой по происхождению идее конвергенции:

«М-р Г. Ч. Уотсон полагает, что я переоценил значение расхождения признаков... и что конвергенция, если это можно так назвать, также играла известную роль... Было бы крайне опрометчивым, если бы мы вздумали приписать конвергенции общее и близкое сходство строения у изменившихся потомков очень далеко отстоящих одна от другой форм» (стр. 191).

И вся схема развития Природы, по Дарвину: происхождения как именно расхождения видов — соответствует скорее разбрызгиванию во все стороны (и вниз и вбок), по модели яйца-шара, а не росту в общем однонаправленно, вверх, ввысь, в прогресс, — как по континентальной модели Древа подобает.

«Если новая разновидность окажется преуспевающей в борьбе за жизнь, то она станет медленно распространяться из центральной области, конкурируя с неизменившимися особями по окраине все разрастающегося круга и побеждая их» (стр. 145).

Т. е. схема развития — как концентрически расходящихся векторов-лучей-кругов, а не снизу вверх, как бы по модели Древа.

Философическое Яйцо в «Алисе» рассуждает о числе дней в году (т. е. тоже круг-шар-Целое), об именах («Что значит твое имя? — Ничто» — р. 34) — излюбленный предмет английского Логоса (Локк, Дарвин...). И оно

* Lewis Carroll. Alice in Wonderland. М. 1960, р. 34. М., Учпедгиз, 1960, р. 4.

еще и поэт, причем стихи его — о временах года (и жизни человека — излюбленная тема английской поэзии) и о послании к рыбе (=жителю Океана).

Яйцо все-самость со всех сторон, воплощенная *selfmade-ness*, тогда как Дерево — воплощенная несамостоятельность (земля его держит, небо питает), связь, связанность и связуемость всего со всем: мучение всемирной ткани-перевязи, голые нервы, душа нараспашку, распятие связи. И недаром из христианских праздников на Материке более чтут Пасху (которая сопряжена с Древом-Крестом), а на острове Англии и в США более чтут Рождество, которое есть подкидыш яйца (младенец-колобок, яйцо), невесть откуда (Случай!) и без связей.

Пасха есть Смерть-Воскресение, Глубь-Высь, Земля-Небо, оба вертикальных вектора здесь учтены. Рождество есть вектор от: один из разбегающихся родников — центробежен.

Так приглядимся же теперь к дарвиновой интерпретации Древа. Оно ему годится прежде всего как схема дивергенции — разбегания — расхождения признаков и видов во все стороны. В главе IV он прилагает диаграмму ветвления видов. Тут главное — расхождение, и для этой цели с тем же успехом годился бы остров-круг, а дерево тут выступает лишь в функции сектора круга, вырезки из центра в произвольную сторону. Необходимости именно в Древе тут нет.

А теперь проанализируем каденцию с Деревом, которую завершает Дарвин главу Четвертую.

«Зеленые ветви с распускающимися почками представляют существующие виды, а ветви предшествующих лет соответствуют длинному ряду вымерших видов».

Уже в исходном мотиве Дерево сечется на живое и мертвое, установка на разрыв меж ними: живое вынеслось ракетно, поправ и оттолкнувшись от мертвого. Не связь, а разрыв. Нынешние живые-зеленые не связаны меж собой прямо живым братством-родством (как на взгляд Франции, России...), а чрез разрывы-дискретности умерших, которых так и надо поправить, а не воскресить (как Н. Ф. Федоров русский побуждает).

«В каждый период роста все растущие ветви образуют *побеги* по всем направлениям (модель центробежного расхождения векторов — Г. Г.), пытаюсь обогнать (скачки, бега, гасе, спортсменство! — Г. Г.) и заглушить соседние побеги и ветви, точно так же как и виды, и группы видов во все времена одолевали другие виды в великой борьбе за жизнь». Вот аспект англосакса: вражда ветвей — «Война миров» — роман-мифологема Уэллса. Ведь Древо можно понять совсем по-другому: как всеобщую взаимную *поддержку*: корни держат ствол-ветви, корни подают пищу листьям (басня Крылова) — зрелище *единой семьи* и любовного сотрудничества, дележки соками, питанием. Даже с принимаемой Дарвиным точки зрения машины Древо могло бы предстать в аспекте разделения труда: как великолепно распределены трудовые функции меж органами его! Но застилает глаза проекция борьбы...

«Разветвления ствола, делящиеся на своих *концах* сначала на большие ветви, а затем на более и более мелкие веточки, были сами когда-то — когда дерево еще было молодо — побегами, усеянными почками».

Почему на «концах»? — удивлялся я: ведь то **начала** дерева — сии первые ответвления от ствола. Но начало-то это именно с материковой точки зрения вырастания снизу, -гонии, семьи одной, когда родителей чтут, Отца с Матерью почитают, а не отрываются от них поелику раньше в особь статью, вектор и путь (как это в английской системе воспитания). Вот почему камера Дарвина помещена не у ствола-корня, а на новейших отпрысках зеленых; и с их точки зрения (поскольку их вот единичное бытие выступает как начало координат в системе отсчета) ствол и корни действительно видятся как концы, умершие и невнятные, бесконечно далекие и малые, которые и во внимание можно не принимать, откидывать в ньютоновом биномиальном разложении...

«И эта связь прежних и современных почек, через посредство разветвляющихся ветвей, прекрасно представляет нам классификацию всех современных и вымерших видов, соединяющую их в группы, подчиненные другим группам».

Связь тут — опытной реконструкции (а не любви и благодарности к родителям): старые видятся не в своей и нынешней жизни, а по образу и подобию нынешних молодых: как тоже некогда молодо-зелено жившие.

«Из многих побегов, распутившихся тогда, когда дерево еще не пошло в ствол, быть может, всего два или три сохранились и разрослись теперь в большие ветви, несущие остальные веточки; так было и с видами, жившими в давно прошедшие геологические периоды, — только немногие из них оставили по себе еще ныне живущих изменившихся потомков».

Были чемпионы борьбы за существование и тогда, как мы наблюдаем и теперь среди особей. Тут весь логический ход — индукционный: опыт и модель нынешнего состояния вещей проецируется вспять и подгоняется, примеряется, и там ищутся подтверждения... Т. е. Дерево, которое в Логосе Материка является образцовой схемой дедукции, филиации идей, снизу вверх, — здесь полагается как образцовая схема индукции: сверху вниз, вспять от курса вырастания. Ничего врожденного (идей) не полагается в листьях, хотя они все истекли снизу из материнско-гонийной плазмы и ткани! Тут именно яйца кур учат... — таков аспект английского Логоса.

«С начала жизни этого дерева много более и менее крупных ветвей засохло и обвалилось; эти упавшие ветви различной величины представляют собой целые отряды, семейства и роды, не имеющие в настоящее время живых представителей и нам известные только по ископаемым остаткам (Старые замки, старые роды... Уволенные с арены борьбы за жизнь, вышедшие в тираж бойцы... — Г. Г.). Кое-где в развилине между старыми ветвями отбивается тощий побег, уцелевший благодаря случайности и еще зеленый на своей верхушке (как потомок вымершего рода, заседающий ныне в палате лордов-собрании таких ископаемых, — но им тоже в Англии выделяется принцип и место — Г. Г.): таков какой-нибудь *Ornithorhynchus* или *Lepidosiren*, до некоторой степени соединяющие своим родством две большие ветви жизни и спасшиеся от рокового состязания благодаря защищенному местообитанию (=островному. И такова вся Великобритания — музей и паноптикум ископаемых

и живых форм бытия материка Евразии. Консервы Евразии — Г. Г.). Как почки в силу роста дают начало новым почкам, а эти, если только **сильны**, превращаются в побеги, которые, разветвляясь, покрывают и **заглушают** многие **зачахнувшие** ветви, так, полагаю, было в силу воспроизведения и с великим Древом Жизни, наполнившим своими мертвыми опавшими сучьями кору земли и покрывшими ее поверхность своими вечно расходящимися и прекрасными ветвями» (стр. 197—198).

Эти последние нужны Дарвину для заполнения некоторых недостающих узлов, звеньев, передаточных механизмов, для **Машины** его системы. Дерево здесь нужно как треугольник реконструкции, кусок из параллелограмма (фактически тоже здесь достаточен треугольник, как это показала векторная алгебра-геометрия) сил и векторов. Только задача тут обратная ньютоновой: по наличным ныне разбегающимся векторам-импульсам-моментам восстановить их возможную равнодействовавшую...

В Англии нет музыки как отрасли культуры. Есть множество прекрасных народных песен, шотландских, ирландских, баллад — это все дискретные островки музыки. Но музыки как симфонического ветвления, иль как оперы — музыки сфер, — таких музыкальных храмов здесь не создается. И на то есть причины. Музыка как развитие — есть вырастание, протяжение, предполагает континуум. Музыка — или из глубин Земли, нутра, из недр существа вздымается, вырастает (такова германская музыка, чадо Матьмы, дерево и здание гармонии), или нисходит как сияние с неба: лазурь и пение Италии: опера, ангельская игра, свет, голос. Германская музыка — инструментальная, т. е. более -ургийная (деревянные инструменты важны и медные в симфонии), в сравнении с итальянской — вокальной, более живой, -гонийной, где главное — мелодия, а не гармония-плотничество* Naus'a и полифония-плетение-ткачество-ветвление древа.

В Англии ж нечувствуемо небо как могучая субстанция лазури, так что музыка сфер — та, что слышна в Средиземноморье, — здесь неуловима. Нет и чувства мощно дышащей груди Земли Матери(и), как это в германстве. Нет двух главных источников музыкальных протяжений.

И нужен в храме бытия сухой воздух, чтоб чистый тон-луч звучал, сохранялся. А в Англии — туман: чистый звук расплывается, как белый луч сквозь призму в ньютонов спектр на составные разлагается (недаром здесь этот опыт произведен). Здесь гул, звон — «вечерний звон» английского поэта Томаса Мура (Those Evening Bells), звук как раскат-прокат волны океанной, прилив-отлив, но зыбка его материя и почва: на таком материале здания симфонии иль оперы не построишь.

Но Бетховена — Шекспиром музыки недаром прозывают: у него динамика, борьба, столкновение тем, «разработка» — работа...

Да, борьба — но к схождению! Дается сразу противостояние совершенно не равных начал и бойцов (тогда как на арене битвы шекспировой: два или

* Harmodzo — греч. «плотничаю».